

Министерство образования Российской Федерации
Чувашский государственный педагогический университет
имени И.Я.Яковлева

**РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Чебоксары 2003

ББК 60.033.145.2

Р - 763

Российская цивилизация в условиях трансформации: региональный аспект: Сборник научных трудов. – Чебоксары: Чувашгосупединверситет им. И.Я.Яковлева, 2003. – 323 с.

Печатается по решению ученого совета Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я.Яковлева

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор Г.И.Тафаев

Редакционная коллегия:

Краснова Л.А.
Кожина Т.Н.
Ендирякова Н.Г.
Волков П.Н.
Малышкин А.П.

© Кафедра всеобщей и региональной истории, 2003
© Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я.Яковлева, 2003

СТАРООБРЯДЦЫ В КИТАЕ В 30-60-Е ГГ. XX В.

К 1930-м гг. в Китае сформировалась большая старообрядческая община, которая насчитывала несколько десятков тысяч человек. Существовало несколько волн старообрядческой эмиграции в Китай.

Староверы проникли в Манчжурию еще в начале XX в. и уже в 1917 г. старообрядцы, приемлющие священство белокриницкой иерархии создали в г. Харбине свой приход и обратились к епископу Иркутско-Амурскому и всего Дальнего Востока Иосифу (И.И. Антипину, 1853-1927) с просьбой направить к ним приходского священника. Владыка Иосиф предписал священствовать в Харбине и во всей Манчжурии о. А. Е. Соловьеву, священнику Николо-Александровского прихода Суражевского подрайона Амурской области [1]. Однако первую большую волну старообрядческой эмиграции в Китай сформировали староверы, ушедшие в Манчжурию после падения правительств Колчака и Дальневосточной республики. Они осели в Харбине и его окрестностях. Эти эмигранты в значительной своей части были чадами Древлеправославной церкви (Белокриницкая иерархия), а также принадлежали к согласию часовенных беспоповцев. В Харбин была перенесена кафедра белокриницкого епископа Иркутско-Амурского и всего Дальнего Востока Иосифа, эмигрировавшего из Владивостока в 1921 г. Здесь существовал сначала временный, а в 1925 г. был освящен постоянный старообрядческий храм святых верховных апостолов Петра и Павла, выстроенный прихожанами на собственные средства [2]. Видную роль в жизни старообрядческой общины Харбина играл о. Иоанн Кудрин, который при Приамурском временном правительстве занимал должность Старшего Старообрядческого священника Армии и Флота [3]. В середине 1930-х гг. старообрядческая община Харбина издавала свой журнал «Дальневосточный старообрядец», издателем которого был К. И. Кудрин [4].

Вторая волна старообрядческих колонистов в Манчжурию из Приморья приходится на 1932-1935 гг., когда до Приморья докатилась волна коллективизации. Крайне враждебно староверами была встречена пятнадцатка, так как в этом случае воскресенье стало рабочим днем, а старообрядцы строго соблюдали воскресный день. Старообрядцы категорически отказывались вступать в колхозы. В ответ коммунистическая власть начала арестовывать отказавшихся от коллективизации староверов и сгонять в лагерь для принудительных работ. Большая часть арестованных старообрядцев попала на Артемовский рудник, один из первых концлагерей на Дальнем Востоке [5]. Попытка вооруженного сопротивления антихристовой, как говорили многие древлеправославные христиане, власти вылилась т. н. Бикинское восстание (1932 г.), по убеждениям самих старообрядцев, наме-

ренно спровоцированное советскими властями, чтобы иметь повод к расправе над староверами. Это восстание советские каратели подавили с крайней жестокостью, производя массовые аресты и расстрелы. Так, в окрестностях Бикина полностью были уничтожены три старообрядческих поселка, мужчины расстреляны, а их семьи высланы на Северное побережье [6]. В этих условиях у старообрядцев окрепло стремление найти надежное убежище за границей. В воспоминаниях П.Мартюшева, одного из ведущих деятелей современного американского старообрядчества, написанных в 1994 г., есть следующий эпизод, который дает представление о связях между староверами в Китае и СССР в 1932 г., а также о том, как в старообрядческой среде оформилось убеждение о необходимости перехода границы. «К этому времени (август 1932 г. – *авт.*), - пишет П.Мартюшев, - матерью из Китая было послано письмо к дальним родственникам в Приморский край (тогда КВЖД была еще под советским управлением, и почта ходила регулярно) с описанием в подробностях нашей жизни в Китае. Это письмо, подобно посланию Аввакума протопопы своим чадам, с особой осторожностью и быстротой облетело все дальние деревни в Приморском крае. Читалось только особо надежным людям, и то ночью в подпольях, да и то шепотом. Это письмо дошло и до Северного побережья, откуда уже почти невозможно было выехать. При таком плачевном положении в СССР на народ сильно подействовало сообщение из Китая о свободной сытой жизни, и многие устремились как можно скорее покинуть родину»[7]. Иными словами, старообрядцев в Китае привлекала возможность свободного исповедания веры и свободного хозяйствования. Однако многие староверы считали необходимым лично убедиться в обстановке, сложившейся в Северном Китае, тем более, что Манчжурия с 1932 г. стала независимым от Китая государством - Манчжоу-го, в котором всем распоряжались японцы.

Инициаторами перехода границы выступили староверы Бикина, Пухдо (на р.Самарга), Перетычихи и Каменки (на р.Единка). Эти поселения в 1920-е гг. были основаны старообрядцами, бежавшими в этот совершенно необжитый тогда край от советских репрессий. В район рек Самарга и Единка (т.н. Самаргинский район) со всего Приморского края и Уссурийского стекались старообрядцы недовольные советской властью и новыми порядками. Староверов не останавливало и то, что Самаргинский край представлял собой первобытную кедровую тайгу, а попасть сюда можно было только по морю. Самыми тяжелыми в освоении этой территории были 1928 и 1929 гг., когда приходилось расчищать от кедров первые десятины земли под пашню и устраивать хозяйство на совершенно пустом месте. Однако «дух свободного предпринимательства преодолевал все трудности (...) север был настолько щедр соболями и рыбой лосось, что переселенцы через несколько лет зажили полной достатка жизнью»[8]. В этой связи важно отметить, что взаимоотношения между старообрядческими посел-

ками и советской властью строились чрезвычайно специфично – старообрядческие поселки не признавали не только советской власти, но и советских денег, требуя в качестве оплаты за свой труд золото или серебро, а советская власть шла староведам на уступки и удовлетворяла эти требования. «По мере увеличения поселков, - писал П.Мартюшев, - правительство расширило торговые агентства и скупало всякого пушного зверя и рыбу. Советская бумажная валюта была в то время настолько бесценна (т.е. обесценена – *авт.*), что наши переселенцы провели тайные повсеместные договоры между собой, чтобы не продавать пушнину и рыбу за эти бумажки, а требовать золотой и серебряный царский рубль и товарообмен. Советское правительство убило все требования переселенцев. Мануфактура и продукты доставлялись из Владивостока пароходами в устье рек Единки и Самарги, Советская власть хорошо была осведомлена, какого духа были эти люди. Этот элемент уже был нетерпим в оседлых старых поселениях, но здесь, как бы убежав далеко от советской власти, он полностью выказал свое отношение к новым властям. Власти до времени терпели и убило все, что требовали поселенцы»[9]. К 1930 г. Самаргинский район был преобразован трудом староведам – у тайги были отвоены сотни десятин пахотной земли, построены прекрасные бревенчатые дома, в хозяйствах содержалось достаточное количество скота, и в целом старообрядческие поселки не испытывали ни в чем никакой нужды.

В 1932 г., когда и до старообрядческих поселений докатилась волна коллективизации, стали создаваться кооперативы, а потом – колхозы, старообрядцы убедились в невозможности далее ужиться с антихристовой властью.

Очень большую помощь в подготовке к переселению в Китай одной из групп приморских старообрядцев оказали немцы – начальник «Далькрайсоюза» Ян Мартинович Дениц и начальник особого отдела Приморской группы ГПУ Адольф Карлович Линкин. Благодаря их помощи многие старообрядцы с семьями были вызволены из блокированных деревень, заброшены от ареста, и из них была создана бригада охотников, обязанная поставлять дичь для ГПУ. По приказу А.К.Линкина охотники-старообрядцы были вооружены военными трехлинейными винтовками и им выдано несколько тысяч патронов. Предусмотрительный А.К.Линкин, еще до своего перевода в Иркутск на повышение, желая обезопасить староведам, находившихся под его начальством, перевел их в 1933 г. на станцию Раздольная с обязательством снабжать мясом располагавшийся там военный гарнизон[10]. Начальник гарнизона Бабушкин разрешил старообрядцам поселиться вместе с семьями в старых лесозаготовительных бараках в районе реки Первая, где староведам немедленно приступили к расчистке земли и кроме охоты занялись огородничеством. Так как в сферу охотничьих угодий старообрядцев входил и приграничный с Китаем район, то было решено искать пути перехода на сопредельную территорию.

Особое внимание старообрядцы обратили на район реки Вторая, где существовала тропа китайских контрабандистов.

Следует заметить, что в тот период в данном регионе Сихотэ-Алиня не существовало признанной советско-манчжурской границы и в районе верховьев реки Гранитная проходила ее демаркация [11], а в приграничных манчжурских районах обитало много китайцев, хорошо говоривших по-русски, которые когда-то жили в России, но после установления советской власти они перебрались в Китай и занимались контрабандой, переправляя в СССР всевозможные товары в обмен на пушнину, женьшень и панты. Охотники-старообрядцы, судя по отрывочным сведениям, имели хорошие связи с китайскими купцами и контрабандистами [12]. Именно к ним обратились А.С.Куликов, Е.С.Мурочев, С.К.Басаргин, А.С.Калугин, когда перешли китайскую границу за сведениями об обстановке в приграничной Манчжурии. Оказалось, что ситуация в данном районе хотя и не простая (в округе действовали шайки красных китайских и корейских партизан), но стабильная, так как в нескольких километрах от пограничного городка Пандие около реки Тумынза стоял японский военный гарнизон, а в самом городке располагался правительственный гарнизон армии Манчжоу-го, охранявший город и окрестности от вылазок красных [13]. Однако при попытке осмотреть г. Пандие, население которого было смешанным – китайско-корейским, старообрядцы были арестованы городской полицией, допрошены и переданы для дальнейшего разбирательства в японский гарнизон. После двухнедельных допросов старообрядцы были отпущены с пожеланием удачного перехода границы и возвращения в Манчжурию уже вместе с семьями [14].

В 1930-е гг. старообрядцами в Манчжурии, особенно около Харбина и в районе Трехречья было основано несколько поселений, в которых по конфессиональному признаку преобладали безпоповцы: Массаловку (Чипигу), Медяну, Коломбо, Силинхэ и др. Обнаружилась тенденция к концентрации старообрядцев в этих поселениях. Хозяйство было традиционным – земледелие, скотоводство, охота, пчеловодство. Известно, что обосновавшиеся в Трехречье казаки из старообрядческого села Доно (Читинской области) столь успешно вели свое земледельческое хозяйство, что окрестные китайцы переняли у них важные новации в ведении огородничества [15].

На раннем этапе становления поселений старообрядцев материально поддерживало действовавшее в Манчжурии Бюро эмигрантов [16]. Одним из крупных старообрядческих поселений в Манчжурии было основанное в 1936 г. село Романовка, жители которого, принадлежавшие к часовенному согласию, являлись выходцами из Приморских деревень Каменки, Петропавловки и Архиповки, бежавшими от коллективизации. Они перешли пограничную между СССР и Манчжурией реку Уссури около г.Хутоу. Место для будущего поселения было обнаружено братьями Калугиными во вре-

мя охоты в окрестностях станции Хэндаохэцзы, когда они натолкнулись на долину в несколько километров шириной, пригодную для поселения. Об этом были поставлены в известность эмигранты староверы из Каменки, Петропавловки и Архиповки. Старообрядцы, оценив возможности экономического освоения обнаруженной территории, решили основать здесь поселение и направили составленное Калугиными прошение об этом японским военным властям в Манчжоу-го. В прошении указывалось местоположение вызвавшего интерес участка и говорилось: «Вышеуказанный участок земли в настоящее время не занят под пашню, не принадлежит никому и никак не используется. Если нам будет дозволено поселиться, то мы сразу же начнем и заготовку сена на зиму на корм лошадям. Зимой мы будем рубить лес и ставить избы. Когда наступит весна, мы соберем семьи и займемся обработкой земли». Кроме этого старообрядцы просили освободить их на первое время от налогов и позволить им иметь винтовки и ружья, необходимые для обороны против шаек хунхузов, которые бесчинствовали в том районе, делая его необитаемым. В прошении особо подчеркивалось: "Если нам будет дозволено поселиться, то мы заведем столько скота и сельскохозяйственных орудий, сколько нам нужно. Мы не нуждаемся в помощи или особенной протекции со стороны полиции". Японские власти оперативно рассмотрели поданное заявление, и через две недели старообрядцы получили разрешение поселиться в указанном месте [17]. Ядро первопоселенцев состояло из 25 семей, в составе которых было 33 мужчины, 28 женщин и 61 ребенок. Это старообрядческое поселение стало постепенно разрастаться за счет вновь прибывающих, и к концу 1937 г. здесь уже существовал поселок. Среди местных староверов были сильны монархические настроения, поэтому поселение было названо Романовкой. К августу 1945 г. в Романовке насчитывалось 45 дворов и более 200 жителей.

В чрезвычайно короткий срок старообрядцы сумели превратить Романовку в одно из самых процветающих поселений в Манчжурии, и этим выдающимся опытом русских старообрядцев заинтересовалось японское правительство, планируя использовать его для развертывания в Манчжурии сети поселений японских колонистов. Как пишет Ё.Накамура, «В этот период милитаристская Япония планировала отправить на территорию Манчжоу-го, своей марионетки, миллион колонистов. По мнению японцев Романовка являлась образцовым в этом смысле поселением. Среди тех, кем японцы управляли доброжелательно были прибывшие с Южного Сахалина староверы» [18]. Следует сказать, что с целью систематизации опыта старообрядческой колонизации Манчжурии японские власти избрали объектом исследования село Романовку, а в непосредственной близости от села на станции Южно-Манчжурской железной дороги Хэндаохэцзы был создан специальный институт по изучению данной проблемы. В отчете данного института за 1942 г. говорилось, что «все романовские мужчины представляют собой натуралистов, инженеров и философов, все они архи-

